

МАЭСТРО НОЧНОГО ГОРОДА

40-летию Александра ВУЛЫХА, поэта, журналиста, поэта-песенника, шеф-редактора "Ночного рандеву" посвящается

Моей правде. - 1996. - 3 февр. - с.3

О юбилярах положено говорить хорошо. Зачем настроение портить? Только о Вульхе и в будний день плохого не скажешь — человек безусловно талантливый, беззлобный. Прикидывается, правда, беспроблемником — ни пейджера, ни сотовой связи. На самом деле немилитаризованно богат: куча друзей, единомышленников, поклонников — это ли не капитал?

Телефон в его комнате звонит беспрерывно: "Hello, это шеф-редактор "Ночного рандеву" когда вы перестанете печатать порнографию это не порнография это эротическое эстетство... Вульх есть повод, чтобы выпить я написал поэму по моему полное говно это классно это почти новое слово в жанре... Пропладаю дай в долг лечу в район Антильской гряды, нет ни песо в кармане Вульх ты же человек я понимаю что гонорар не платят так ты же и не написал ничего... Шурик есть тема жена уехала свободен не знаю что делать один в моем-то веке пригласи кого-нибудь у тебя ведь много тебе зачтется..."

Да, есть такая комната 517 в газете "Московская правда". Говорят, здесь появляются черти и ведьмы, прилетают музы, и то, что творится после, отдаленно напоминает журналистику, поэзию, прозу — некое пограничное состояние между творчеством и душевным стриптизом, между интеллектуальной оргией и поиском истины. Сюда можно прийти, если бросила жена, любовница и уволили с работы, если дали нобелевскую премию и призвали к административной ответственности, если хочется напиться и чтобы тебя немножко роняли.

Официально это место звучит так — редакция ежемесячного приложения к "Московской правде" газеты "Ночное рандеву". В крестные отцы этого детища записан друг Вульха — Крис Кельми. Не только потому, что исполнял классную песню про ночное рандеву на бульваре Роз на стихи Карена А.Кавалеряна. А потому, что по духу родственный человек — ночь как время вдохновения, лирика как форма самовыплеска.

Неофициальное название этого логова — "у Вульха".

Итак, прежде чем перейти, собственно к поздравлениям в честь юбиляра, приуроченным к 5 февраля сего года, можно порассуждать о феномене Вульха. Начнем с имени. Что пишут про Александров вообще Ифигения и Гурий Галицкий в своем эзотерическом труде "РОЗА ИМЕНИ"?

"Александр обладает, как правило, мужским членом средних размеров, но прытким и целеустремленным. Он благороден, обаятелен и элегантен. Редко встретится Александру, нецензурно бранящегося на людях, но уж если изречет он... бтвоевать, то каждый из присутствующих втайне пожалеет, что не его.

Александр — щедрый и милосердный, однако их врожденная ирония и остроумие способны иногда перейти в ехидство и цинизм. Но в постели это случается крайне редко. Александр — прекрасный любовник, если не страдает импотенцией. Нет такой женщины, которая бы ни разу за всю жизнь не мечтала отдаться тому или иному Александру.

Саша влюбчивый и впечатлительный. Они склонны к мистификациям, военным действиям, красным сухим винам, а также к сочинительству. Последнее занимает большую часть их жизни, несмотря на лень и сибаритство (либо благодаря им). Тем не менее спектр профессий, избираемых Александром, достаточно широк: они становятся журналистами, актерами, торговцами недвижимостью, полководцами, ночными сторожами, библиотекарями, грузчиками, видными политическими деятелями..."

"Александр — это я, — сказал однажды Гурий Галицкий, задумчиво поигрывая моей левой грудью, — вспоминает Ифигения. — То есть я мог бы быть им, но стал Гурием".

Впрочем, о Вульхе, в частности, есть и более компетентное мнение. Предваря публикацию стихотворения Александра Вульха в антологию русской поэзии "Строфы века", Евгений Евтушенко пишет: "Живет в Москве, занимается журналистикой, довольно широко печатается. Легко, естественно выдыханные стихи".

Далее приведены "естественно выдыханные стихи":

На душе как на вокзале, где не ждешь, не провожаешь...

Когда-то он показал это произведение одному редактору отдела поэзии популярного журнала в надежде на публикацию. "Неудачные стихи, — сказал мэтр. — На вокзале делать нечего, если ты не ждешь и не провожаешь..."

Только время дало ответ на подобную отповедь. Стихи стали "строфами века", сам Вульх — признанным московским поэтом. Одна из его самиздатовских поэм — "Бубоновый туз", которую знала наизусть игрокская Москва 70-х, целиком опубликована в Энциклопедии азартных игр "Игорный дом" наряду с купюрами из Лермонтова и Куприна, благодаря гени-

альному мастеру поэтического перевода Евгению Витковскому.

Это признание, или, скорее, то, что называется широкой известностью в узких кругах. Или то, что является незримой трагедией, в общем-то, для широких кругов: вы не читали Вульха? Вы много потеряли...

Юрий Федорович Маликов:

— Я, например, могу только пожалеть, что мы с Сашей так поздно познакомились. Наверное, поэтому мы до сих пор не записали вместе ни одной песни. Мне его стихи нравятся — яркие, самобытные, искрометные. Сам Александр — человек приятный во всех отношениях — отзывчивый, чуть сентиментальный и добрый. Иногда нам говорят друзья, что наши характеры похожи — "бываете немного безалаберны". Это нормальное состояние для поэта.

Люблю, поздравляю, всего наилучшего.

Крис Кельми:

— Что можно пожелать поэту? Чтобы талант расцветал. Мы записали несколько песен, потому что мне показались близкими его стихи — "Лунное огниво", "Не жалей", "Дамоклов меч". Да, в них не всегда оптимизм, мажор, но есть размышление, романтизм. Эти стихи могут существовать отдельно от музыки. Это уже говорит о том, как он работает.

По поручению Марины Хлебниковой, продюсер ейный Алексей Вельев:

Вульх. Как много в этом звуке, И не прибавить, не отнять. В нем и российской свет науки, В нем и промышленности статья. В нем и культура и искусство, Да что там попусту брехать, Ведь даже самолетик Руста Мне в этом звуке услышать. Скажу, не злоупотребляя Мне данным родиной стихом, — Я жизни правильность сверяю Не кем-нибудь, а Вульхом!...

Игорь Саруханов:

— Много здоровья. Творческого удовлетворения. Чтоб не иссяк родник, чтобы не наступали на горло песне. Когда-то Игорь Тальков написал для меня "...и чтоб твои дураки не мешали". Я бы хотел переадресовать. Потому что это важно.

Андрей Мисин:

— Хочется пожелать, чтобы он этой даты не заметил. Чтобы бесконечно совершенствовал перо. Писать стихи — это уже некоторая аномалия, отклонение от того, что принято называть просто жизнью. Но он не может иначе. Это его воздух, его смысл. И его поэзия — прекрасна. Точи перо, мой друг!

Николай Фохт (журналист и философ):

— Мы познакомились в пустыне. Палящее солнце, пески, ни травы, ни воды, ни людей. Я был российским летчиком, потерпевшим крушение. Первое, что я увидел в этой пустыне, — Вульх в роскошном бедуинском облачении. Он стоял и смотрел на закат.

— Эй, — окрикнул я его.

Он повернулся, посмотрел добрыми глазами:

— Что надо тебе?

— Воды...

Он дал мне воды. Я не спрашивал, откуда он взял ее в этой пустыне. Я выпил. А он отвел меня в свой оазис, познакомил с гаремом. Починил самолет. Дал денег, алмазов, горючего.

— Когда захочешь, возвращайся, — сказал он мне.

И каждый месяц я возвращаюсь.

Карен А.Кавалеряна, поэт-песенник, как автора слов одноименной песни Вульх его называет "индеец Ночное Рандеву", а тот называет Вульха "индейцем Лунное Огниво".

"Индейцу Лунное Огниво"

Скажу во сне и наяву Живи богато и счастливо! (Индеец "Midnight Rendezvous").

Владимир Петрович Пресняков

выслал из Штатов, где он находится с деловым визитом, ноты. В этих нотках содержится поздравление Александра Вульху с юбилеем. Музыка оптимистическая, жизнеутверждающая. Предполагаем, что Владимир Петрович желает Вульху счастья в личной жизни.

А в целом цифра 40 обязывает. Направляется обстоятельный разговор на тему "место Александра Вульха в русской поэзии". Понятное дело, это место не под солнцем. Поскольку социальные ориентиры его творчества слабо выражены: где здесь чувства к Родине, где гражданская позиция, где борьба за нравственную чистоплотность общества? Нет, Александр сознательно уводит своего героя в ирреальный мир, в котором его окружает извращенная система ценностей:

"Дымится полночь на шампуре с кусками уксусной зимы... Какава ж родина без дури? Какава ж пьянка без чумы? И я как гражданин Содома, живу, посуюдо звеня. Нелзя России без дурдома, нелзя з дурдому без меня..."

В его строках сквозит социальная апатия и полное отсутствие жизнеутвер-

ждающих мотивов. По-моему, такая поэзия просто вредна. Потому что в любом произведении, как в метро, должен быть выход. Автор должен отвечать на поставленный вопрос, а не заводить читателя в тупик. В то время как А.Вульх поднимает тематику "закрытых дверей", намекая, вероятно, на отсутствие социальной справедливости.

На любой аргумент существует факт. Последний — ниже:

Какой от неба нынче прок, когда оно так безыдейно? Как много пройдено дорог, как мало выпито портвейна! Уже пришла пора латать мечты о том, что все успею, а я по-прежнему летать, как змей зеленый, не умею. Да что там этот самый змей, моя душа не в том калитре — я не могу, как воробей, и не умею, как колибри, чирикать ночью у окна при полном лунном свете о том, что жизнь надежд полна, о том, что есть любовь на свете.

Когда закрыта в небо дверь, и в сердце нету воспаренья, не мерь мне, милая, не мерь в стоячем виде оперенье. Я выйду ночью на Твербуль, вербуя в душу равновесье, но на душе стоит моль и не пускает в поднебесье. Лучами-пальцами Кремля зажата грудь в объятиях острок: мне не сыграть "полет шмеля" — я не Укупник и не Ойстрах. И крылья бабочки ночной не возвратят в бывшее лето следы любви... хотя, постой... не улетаю. Не ты ли это, брэнча гитарной тетивой, забыв о подвиге Икара, над перегарной мостовой паришь с бутылкой "Солнцедара"? В какие недра пустоты летишь меж солнцем и луною? Шмельная юность, это ты?.. Не улетаю, побудь со мною! Забудь со мною наобум про все, о чем не помним толком, давай рванем "текилы-бум", давай рванем в Мытищи к телкам! Давай испробуем любви, пока здоровье из железа, кричи сильнее! "Спартак, дави! Ура, взлетаем, "кам тузгез"! Какой там год? Какой там счет? Как ночь светла! Как плоть уруга! Ты хочешь? Ну давай еще, давай еще!.. Ты где, подруга?

Ты где?.. Ведь noch еще тепла, еще душа согрета тайной... Остались только два крыла от этой бабочки случайной... Остались лишь плеснувший вина в свое разбитое корыто... На пальцах высохла пыльца. Как жалко, что в небо дверь закрыта.

В какой-то мере Вульх — это Шекспир. В его стихах, беспритонная, как тень отца Гамлета, пронисается неистребимая мысль: печально бытие поэта, когда от женщин нет ответа.

В какой-то мере Вульх — это Чайковский. Сборник его стихов можно было бы назвать "Времена года". В зависимости от температурного режима меняется и его настроя. К сожалению, копируют принадлежат Чайковскому. К сожалению, сборника стихов А.Е.Вульха нет. Потому что ему лень заниматься самопродюсированием. Или просто надеется, что эти элегии, которые ежемесячно публикует в качестве переводов газета "Ночное рандеву", кто-то соберет в копилку. Как золотишко, приберегая на случай душевного кризиса.

Александр Вульх — изобретатель принципиально нового в современной поэзии жанра. Определение которому дадут потомки, но попытки делаются уже сейчас: "Вонзенный стяг поэзии российской".

Только говорить о жанре — не время и не место. Я уступаю газетное пространство его стихам, его "временам года", его редакторским колонкам, безыдейным как музыка, грациозным, как музыка.

Ольга ПЕСКОВА.

ОТЧЕГО В ВОЗВРАЩЕНИИ ПТИЦ

я не чую апрельскую прелесть?.. Не желаю платить за стриптиз — слишком быстро девочки разделись. Отчего меня клонит ко сну, а не к лону страстей на свиданье?.. Не желаю платить за весну,

м... И книга на столе листается сама — и слышен смех подруг бухарского Эмира, и сводит д'Артаньян Констанцию с ума, и старый Чингачгук сжимает трубку мира...

И пусть кругом твердят, что нынешняя ночь короче тишины на памятных

Александр ВУЛЫХ

мать нереальному сну. Под громкие скрипы кровати, в краю, где поют соловьи, я буду министром Печати, ты будешь — министром Любви. Ты будешь идилия быстро, быстрее, чем желтеет печатать, и кто-то другого министра поставит твой сон охранять. И в час, когда жизнь измочалит мечты и надежды мои, — я буду министром Печали, Ты будешь — министром Любви... Я буду слоняться в обносах своих облаков кочевых, пока не придет Жириновский туда, где был раньше Вульх. Ах, остров в Карибском бассейне, ах, проклятый мой гонорар... Меня завербуют на сейнер с названием "Морской Коммунар". И где-то в порту под Мадрасом, смиривши гордыню в крови, я буду матросом, матрасом... Ты будешь — министром Любви, Ты будешь при гимнах и флагах, при птичках, слезных та на юг... И как-нибудь, роясь в бумагах, найдешь писанину мою. И глядя на строки поэта, как небо на листья глядит, ты скажешь: "Кончается лето... Как время, однако, летит..."

НУ ВОТ И ОТСТРЕЛЯЮСЬ БАБЬЕ ЛЕТО,

а мы еще гудим, еще стреляем где сигарет, где лишнего билета, где просто так по городу гуляем. Мы с детских лет приучены к орудью труда и обороны Бельх пятен, мы порох дней вдыхали полной грудью, и дым ночей нам сладок и приятен. Нам сладок дым сгорающих историй, и мы над ними кружим, словно птицы... Страна моя! Ты — светлый крематорий, где всем нам было суждено родиться: кому — с трубой, кому — с горбом и с горном, кому — с венком, кому — с улыбой детской...

Свобода пахнет краденым поп-корном — так говорил Алеша Вишневецкий. А если быть совсем уже поэтом, призвав в стихах преступников к ответу, — свобода пахнет платным туалетом, где ни бумаги, ни просвету нету.

Простует нет, и будущее мглысто, но если вновь судьба нас потрвожит, — прошу вас, не стреляйте в журналиста, поскольку он старается, как может. Он каждый день, неся на службу бремя похмельных слов, страдает и бормочет: "Ну почему меня не лечит время — ведь столько лет прошло с той черной ночи?" И он в буфете называет "зайей" Валушко, чтоб дала опохмелиться. Но нету силы посмотреть в глаза ей, как требует Ветлицкая-пелица. И, сжав в кармане двести или триста рублей, он просит в долг до пол-второго... Прошу вас, не стреляйте в журналиста — ему и так на свете жить херово. Ему и так не очень хорошо у стен коллизей жизненных коллизий. Душой он ненавидит это шоу и этот бизнес зайче-волче-лисий. Он ждет свободы чувств, но, между нами, он понимает, не сущая краску: свобода пахнет мятыми "гринями", уплотненным за любовь и ласку.

Шумит листва, как шапка у танкиста, и по броне карниза дождик лупит... Прошу вас, не стреляйте в журналиста — вдрызг и его хоть кто-нибудь полюбит.

ОСЕНЬ. ГРАЧИ УПЕТЕЛИ,

чуж ветра перемены. Жизнь еще теплится в теле. В теплеке теплятся члены партий, движений, тугие думы, мослы, поясницы, бритые лбы и другие официальные лица.

Осень. Врачи проглядели приступы белой горячки, и у рябин загудели ветви, как руки у прачки. И у меня, — хоть ты разу я не стираю память в мыле... Девушки, где ж вы, заразы? Или меня позабыли?

Иль променяли родного да на чучекнов и греков? Иль я прикинул хреново — не в пиджаке фирмы "Грекофф"?..

После ушукки-утруски лет моих в жизненном круге вряд ли меня к "новым русским" смогут причислить подруги.

И потому к их постели не нахожу я дорогу. Осень. Они залетели не от меня, слава Богу!

Осень. Ночами съедает душу дождливая скука, словно туземки съедают чистосердечного Кука.

Осень. Короткие фразы ветра, которым не внемлю. Девушки, где вы, заразы?.. Листья ложатся на землю.

Воспышка тепла на закате, рюмка с помадой губною, водкой залитая скатерть. Катя, скажи, что со мною?..

Я навострил свою лыжу. Я о любви барабаню... Что ты сказала, не слышу? Как это — "шел бы ты в баню"? Я бы пошел в самом деле, только зачем?.. За порогом — Осень, грачи улетели. Я уже чист перед Богом.

НЕ ШАЛЕЮ, НИ СОФУ НЕ ПРЯЧУ,

ни комод, ни стол и ни буфет... Было б с интерьером все иначе, я бы не писал весь этот бред. Я б от предрасудков был свободен, не мотался б с паспортом в ОБВИР, я бы был красив, как Воеводин накануне выхода в эфир. Ветеран труда или тинзиджер обо мне бы знал по всей стране, и моя любимая на пейджер ночью плавье б сбрасывала мне... Как сказал писатель Баратынский, "я на громкой лире не скрипач"... ниже лиры только лей румынский, ниже лая только зов и плач... Только зов и плач шагов случайных, и листья ржавеющая медь. Не хочу писать стихов печальных и любовь прошедшую жалеть.

Не имею, не беру, не трачу, жизнь проста, как пара пустяков: было бы с деньгами все иначе — я бы не писал таких стихов. Я достал бы два мешка кружеyro, и без опостылевшей возни улетел бы в Рио-де-Жанейро или на Мадейру, черт возьми! Я бы стал свое там нежить тело, я б себя стал в роскоши купать, и под пальмой стал бы я умело из мулаток стоны извлекать. И летели б к волнам эти стоны, отдаваясь эхом в небесах, чтоб в ночи качались полусонно белых яхт тугие паруса, чтобы все — от финна до дельфина знали в преисподне и в раю: это Александр, сын Едима, в мир принес гармонию свою. Чтоб узнал монах в убогой келье, на лампаду капнувший елей, как мы сочиняем с Крисом Кельми грешным делом песню "Не шалей"...

Не шалею, под софу не прячу все свои забытые грехи, я еще живу, плачу и плачу, и пишу ненужные стихи. Но когда рука перо вперяет в лист бумаги иль в осенний лист, то братва друг в друга не стреляет, и девочку любит гармонист, и мою желтующую душу едаль не сет осенняя струя... Не жалую, не зову, не трушу, не прошу от жизни ни-че-го.

УЖ ПОПНОЧЬ БЛИЗИТСЯ,

Уж Герцена все нет. Уж ведьмы скляются, Уж сверкает фикса, Уж острограммился один большой поэт, А муза шляется незнамо где, как биска. Какого дьявола, когда на сердце сплин, Не появляется крылатая бабенка? Ведь будет каяться, ведь будет клясться, блин, Что образумится и заведет ребенка...

И, разумеется, споет, что вновь верну Свою любимую я, в рифму, как в скорлупку, Что если хочется — возмужа да проверну Свой фарш из времени назад сквозь мясорубку.

Эх муза-музыка, два латаных крыла, О ней не думаешь — она не отвечает, Но тронь нечаянно в ночи колокола — Она с три короля наврет, наобещает...

Так почему же я, как под гипнозом змей, На Заклинателя смотрю и цепенею, И верю музыке, да, музыке моей, Хоть нету жизненной правдивости за нею? Уж сорок близится, уж Гершину сто лет.

Уж полночь слышится, уж бьют куранты где-то, Уж надлился вечная, что "ЧАСТЬЯ В ЖИЗНИ НЕТ" Давно начертана на стенках туалета.

А мне все чудится — семерка, тройка, туз... А мне все верится, что все опять вернется, Что хмель веротится в наш недопитый блюз, Что эта музыка над нами не смеется.